
Стриж
Наследница

Михаил Токенов

Наследница

«Автор»
2026

Токенов М.

Наследница / М. Токенов — «Автор», 2026

Варя Лодыгина умеет чинить дизели, не умеет держать язык за зубами и ни за что не отдаст старый теплоход, на котором выросла. Даже если ради этого придётся испортить жизнь очень влиятельному человеку.Ботинки она ему уже испортила.Глеб Ракитин наверняка предпочёл бы забыть эту встречу. Варя — тоже. Но теперь им предстоит работать вместе: ему — отдавать распоряжения, ей — делать вид, что она готова слушаться.Варя знает, чего добивается. Знает, почему нельзя отступать. И уж точно знает, что этому мужчине не стоит доверять.Только с каждой новой встречей помнить об этом всё труднее.Особенно когда он перестаёт быть просто противником, а сказать ему правду по-прежнему нельзя.

© Токенов М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 7

Михаил Токенов
Наследница

Глава 1

Глава 1. Металлолом

Дизель «Стрижа» Варя узнавала по голосу, как узнают по шагам родного человека на лестнице.

В шесть утра, пока над Окой ещё висел молочный туман и с причала было не разглядеть даже Стрелку, она спустилась в машинное отделение, повернула ключ и замерла, положив ладонь на тёплый кожух. Шестицилиндровый «Шкода-Ланова» шестьдесят восьмого года выпуска сначала кашлянул, как старик спросонья, потом заворчал, потом выровнялся. Варя слушала. Три такта — ровно. Четвёртый — с ленцой, как всегда, потому что форсунка на четвёртом цилиндре дышала на ладан ещё с позапрошлой навигации. Пятый, шестой. Всё как надо.

Она выдохнула, вытерла руки о ветошь и только тогда заметила, что улыбается.

— Ну что, старый, — сказала она дизелю. — Последний раз покажем себя?

Дизель не ответил. Ответил Тимур — сверху, через люк, свесив вниз смуглую голову в вязаной шапке:

— Ты опять с ним разговариваешь. Варь, это клиника. Я серьёзно, у меня тётка в Кстове так начинала. Сначала с геранью разговаривала, потом с телевизором, а потом её муж ушёл к той, которая разговаривала только с ним.

— Твоя тётка была счастливым человеком, — сказала Варя. — Герань хотя бы не врёт. Кофе есть?

— Есть. Растворимый. Последняя банка. Капитан велел беречь до приезда комиссии, сказал, будем угощать.

— Комиссию? — Варя вылезла по трапу и приняла у него кружку. — Тимур, они едут нас резать. Мы их ещё и кофе поить будем?

— Капитан сказал: «Встречать надо по-людски. Провожать — тоже».

Варя ничего не ответила. Кофе был горький и жидкий, кружка обжигала пальцы. Она стояла на корме и смотрела, как из тумана проступает набережная: краны грузового порта, ржавые борта списанных барж, где-то вдалеке — белые теплоходы «Северцев Речфлота», чистенькие, свежевыкрашенные, с синими полосами по борту и фирменной птицей на трубе.

Птица. Северцев, говорят, сам её нарисовал когда-то — на салфетке, в портовой столовой, когда у него был один буксир и долг в банке. Теперь у него было сто сорок судов, два порта, логистический холдинг и место в каком-то списке «Форбс». Точнее, не у него. Северцев умер в сентябре, об этом писали все нижегородские паблики, а по местному телевидению показывали похороны: чёрные машины, вдова в вуали, белые лилии на гробу. Варя тогда выключила телевизор. Ей было всё равно. Это была чужая жизнь, другая Волга.

А «Стриж» был её Волгой.

Пассажирский теплоход проекта «Москвич», семьдесят первого года постройки. Двадцать восемь метров. Сто пятьдесят посадочных мест, буфет, бархатные диванчики в салоне, медные поручни, которые Пётр Ильич каждую весну заставлял драить до зеркального блеска. «Стриж» сорок лет возил по Оке и Волге школьников на экскурсии, рыбаков на Бор, молодожёнов на прогулку под «Ласковый май». На нём Варя выросла. На нём она в шесть лет впервые разобрала и собрала насос, а в четырнадцать — поругалась с капитаном так, что неделю спала на берегу. На нём умерла её мать.

Не прямо на нём, конечно. В больнице. Но заболела она на нём — так Варе казалось всю жизнь.

Теперь «Стриж» принадлежал «Северцев Речфлоту». Пока что. Три года назад частная компания, которой он принадлежал раньше, обанкротилась, и холдинг скупил её флот за долги. Вместе с флотом скупили и экипаж. Пётр Ильич Лодыгин, капитан. Варвара Лодыгина, механик. Тимур Хасанов, рулевой-моторист. Ещё двое матросов, которых в октябре уже рассчитали.

Остальные суда холдинг перекрасил в белое с синим, а «Стриж» Пётр Ильич выпросил. Ходил куда-то наверх, в стеклянное здание на набережной, вернулся через неделю с договором: теплоход продают ему в рассрочку. Три миллиона шестьсот. Триста тысяч первого взноса — всё, что у них было, — и по двадцать пять тысяч каждый месяц, из капитанской зарплаты и из Вариной. Миллион двести они уже выплатили. Оставалось два четыреста. И пока не выплачена последняя копейка, «Стриж» по документам числился за холдингом.

А на прошлой неделе пришло письмо. Вежливое, на фирменном бланке с птицей. «В связи с оптимизацией…» «Признан нерентабельным…» «Комиссия по техническому освидетельствованию для принятия решения о списании и утилизации…»

Пункт семь-три договора Варя знала наизусть. Если продавец решит судно списать, покупатель вправе в течение девяноста дней выкупить его, заплатив весь остаток разом. Не выкупит — договор расторгается, всё выплаченное засчитывается как аренда, а теплоход идёт под резак.

Утилизация. Слово было гладкое, как обмылок. На человеческом языке оно значило: газовый резак, пресс, металлолом, восемь рублей за килограмм.

— Варь, — сказал Тимур. — Ты только это… не начинай там. Ладно? Капитан просил.

— Я никогда не начинаю.

— Ты всегда начинаешь. В прошлом году ты начала с портнадзором, и нам выписали штраф на сорок тысяч.

— Он сказал, что у нас огнетушители просрочены. Они были не просрочены. Он не умел читать дату.

— Он и сейчас не умеет. Но штраф-то мы заплатили.

Варя допила кофе и выплеснула гущу за борт. Туман над водой начал рваться — сквозь него, как через марлю, просвечивало низкое ноябрьское солнце.

— Я буду вежливой, — сказала она. — Я буду такой вежливой, что они сами откажутся нас резать.

Тимур посмотрел на неё долгим взглядом человека, который знает её с первого класса.

— Я схожу ещё за кофе, — сказал он. — И за валерьянкой.

Комиссия приехала в десять, на двух машинах.

Из первой, служебной «Камри» с логотипом холдинга, вылезли двое: грузный мужчина в форменной куртке Речного регистра — Варя его знала, инспектор Кулагин, тот самый, что не умел читать даты, — и молодой парень в узких брюках и с планшетом, похожий на стажёра из банка.

Из второй машины — длинной, чёрной, с тонированными стёклами, которая встала у самого края причала, будто ей было всё равно, что дальше вода, — никто долго не выходил. Потом открылась задняя дверь, и на мокрые доски ступил человек в тёмно-сером пальто.

Варя сразу записала его в перекупщики.

Такие приезжали на каждую утилизацию: присмотреться, что можно снять до пресса. Бронзовые винты, медные трубки, латунные иллюминаторы, старые штурвалы — всё это потом всплывало на «Авито» в разделе «антиквариат для интерьера», и какой-нибудь ресторан на Рождественской вешал штурвал «Стрижа» над барной стойкой. Перекупщики всегда были хорошо одеты, всегда молчали и всегда смотрели на судно, как мясник на корову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.